

90-5

5299

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ФИНЛЯНДСКО - СОВЕТСКАЯ СМЕШАННАЯ ГРУППА ПО НАУЧНОМУ
СОТРУДНИЧЕСТВУ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ

90-5

5299-

ФИННЫ В ЕВРОПЕ. XI-XV века
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ НАРОДЫ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск I

Формирование прибалтийских финнов, племена
Финляндии и Юго-Восточной Прибалтики

Москва 1990

Э.Мугуревич, А.Зариня, Э.Тыниссон

ЛИВЫ

Ливы – народность прибалтийско-финского происхождения – упоминаются в письменном источнике XI в., под названием "либъ".¹ Более подробные сведения о ливах содержатся в источниках XIII в. – "Хронике Ливонии Генриха Латвийского" и "Рифмованной хронике". Они называют ливов "Luvones" или "Liwen". По языковедческим данным, ли

вы составляют одну из древнейших самостоятельных прибалтийско-финских этнических группировок.² Из других прибалтийско-финских языков к ливскому наиболее близок юноэстонский язык.³ В то же время ливы являются самой южной из прибалтийско-финских группировок и их язык находился под длительным влиянием латышского. От ливского, в свою очередь, сохранились заметные следы в некоторых диалектах латышского языка,⁴ а также многие топонимы.⁵ Антропологически ливы близки к населению западной Эстонии и юго-западной Финляндии.⁶

По письменным источникам и археологическим данным можно выделить пять областей, населенных ливами – Северную Курземе, районы низовья Даугавы и Гауи (Турайду), Метсеполе и Идумею.

Ливские могильники у Даугавы и Гауи стали широко известными уже со второй четверти XIX века. Их изучением занимались такие немецкие и прибалтийские исследователи, как Фр.Крузу, И.К.Бэр, К.Гренвингк, Р.Гаусманн и др. Было собрано значительное количество вещевого материала, который попал в музеи Риги и Тарту, частично также в Москву и Петербург; некоторые коллекции были увезены в Германию и Англию. Следует также отметить работы В.Биленстейна и А.А.Спицына, в которых значительное место отведено ливскому материалу.

Изучение ливских памятников, в первую очередь, могильников, продолжалось латвийскими археологами – Э.Штурмсом, Э.Шноре, Р.Шноре, В.Гинтерсом и др. – в 1920-1930-х гг. Благодаря применению точной научной методики, было получено более подробное представление об устройстве могильников и погребальном обряде. Особо следует отметить раскопки ряда памятников в Курземе, результаты которых позволили Э.Штурмсу исследовать культурные и этнические взаимоотношения в этой части территории Латвии и высказать ряд положений о древней истории ливов.⁷

Весьма значительные по объему археологические раскопки ливских памятников проводились после второй мировой войны. Основной зоной исследований была территория низовьев р.Даугавы, где в 1966-1975 гг. были произведены крупные спасательные раскопки. На территории гауяских ливов продолжалось изучение могильников. Особо следует отметить произведенные в 1959 и 1964 гг. совместные экспедиции латвийских и эстонских археологов (Я.Граудонис, Э.Мугуревич, Э.Тыниссон). В последние годы производятся археологическо-реставрационные работы в наиболее важном центре гауяских ливов – на месте Турайдского замка (Я.Граудонис).

Результаты изучения ливских археологических памятников отраж-

ется в обобщающих публикациях - в работе Х.Моора,⁸ в коллективной работе по археологии Латвии,⁹ в монографии о гауяских ливах.¹⁰

Под северной Курземе подразумевается территория Латвийской ССР, ограниченная нижними течениями рек Бенты и Абавы, примерно в границах распространения тамского диалекта латышского языка. Здесь преобладают прибалтийско-финские гидронимы, а треть упомянутых в документах XIII-XIV вв. названий населенных мест носит следы того же происхождения (рис.1).

В Северной Курземе находились центры двух упоминаемых в документах XIII в. земель - Ванемаа и Винда (рис.1). Судя по смысловому значению наименования Ванемаа "Старая земля", центр ее в период железного века находился на территории с наиболее древней и плотной населенностью. В ряде мест здесь встречаются каменные могильники с оградками, характерные для прибалтийских финнов в I тыс. н.э. Поскольку древнейшие прибалтийско-финские памятники железного века обнаружены в бассейне р.Абавы между Рендой и Кандавой, надо полагать, что именно там находился центр древней земли Ванемаа.¹¹ Кроме каменных могильников с оградками здесь встречаются также курганные могильники двух видов - каменные курганы в районе Залгале и песчаные курганы около Сабиле. По данным археологических раскопок, именно последние в X-XI вв. характерны для курземских ливов. В пользу этой гипотезы¹² свидетельствует тот факт, что по своему характеру песчаные курганы близ Сабиле очень сходны с ливскими погребениями XI-XIII вв. в бассейне Гауи, но в то же время отличаются от погребений куршей и земгалов этого периода. Начиная с XI века каменные могильники и курганы сменяются грунтовыми группоположениями, основной ареал которых охватывает северо-восточную часть Курземе. Они обнаружены на гравийных всхолмлениях, причем могильные ямы ориентированы в направлении с СВ на ЮЗ. Вне названного ареала наибольшее сходство с погребениями этих могильников обнаруживается у погребений Цесисского могильника. В женских могильниках встречены гривны с надетыми спиральями, булавки, цепочки с различными подвесками, богато орнаментированные оковки ножен и другое. В мужских погребениях, кроме украшений, найдены топоры, наконечники копий, ножи, шпоры и другой инвентарь. Материал Цесисского могильника имеет значительное сходство с археологическим материалом северокурземских ливов XI-XIII вв. (рис.2), поэтому его можно считать могильным памятником, оставленным выходцами из Северной Курземе - вендами,¹³ живших в низовье р.Венты (земля Винда).

С XII в. в Северной Курземе начинает складываться смешанная

куршско-ливская культура, в которой погребения по ливскому обычанию представлены трупоположениями, тогда как их инвентарь - курганные. В этих погребениях преобладает ориентация с ЮЗ на СВ. Могильники с такими захоронениями XIII-XIV вв. большей частью устроены на новых местах, вдоль границ, где соприкасались курши и ливы.¹⁴ Следует отметить, что в таких могильниках начинает преобладать способ захоронения, характерный для христианских кладбищ, когда умершего хоронят головой на запад. В то же время на большой части территории куршей сохраняется традиция сожжения умерших. О ливах, живущих между Гробиня, Кулдига и Кандава, в начале XIV в. упоминает французский путешественник Жильбер де Ланнуа. Таким образом этногенез курземских финнов, в том числе ливов и вендов, и формирование их материальной культуры происходило на месте в I и начале II тыс. н.э.

В документах XIII-XVI вв. упоминается около 50 сел (*villa, dorp*), входивших в состав земель Северной Курземе. При некоторых из них существовали укрепления – замки (Талсы, Сабиле, Дундага и др.). На городищах к этому времени относятся остатки углубленных в землю построек и каменные очаги. Более обширные раскопки (на территории около 0,5 га) проведены в посаде Сабиле, существовавшем с XI по XVI вв. В первом периоде заселенности (XI-XIII вв.) преобладают постройки, отапливаемые очагами и каменками. Почти при каждой постройке имеется несколько открытых очагов. Как показали исследования в нижнем течении Даугавы, углубленные постройки и преимущественное использование очагов характерно в X-XIII веках именно для ливов.¹⁵ В результате проникновения куршей на территорию не исчезают, однако в качестве доминирующего элемента они сохраняются лишь на побережье Балтийского моря и близ озер (Усмас).

После агрессии крестоносцев в XIII в. жизнь на укрепленных поселениях местного населения постепенно прекращается, немецкие же укрепления строятся не на прежних городищах, а по близости от них (Пилтene, Сабиле, Кандава, Талсы), причем сохраняются топонимы местного населения.

Область придаугавских ливов, которых называли также иногда вейналами¹⁶ простиралась от Рижского залива на западе вдоль Даугавы вверх по течению до Айзкраукле (рис.3). Наиболее крупные и сильно укрепленные замки ливов находились в Лиелварде, Айзкраукле и Даугмале. Самая большая концентрация ливского населения зафиксирована в низовьях Даугавы между Икшикile и Саласпилс (открыто 17 погребений и 16 могильников X-XIV вв.). Как показывает археологический

материал, в структуре поселений низовьев Даугавы значительное место занимало сельское хозяйство, однако для некоторых памятников констатируется доминирующая роль ремесла и торговли, что является признаком раннего города.¹⁷ В особенности это относится к тем местам, где вблизи нескольких поселений находилось укрепление – замок. На первом месте следует упомянуть датированное XI–XII вв. городище Даугмале,¹⁸ в непосредственном соседстве с которым расположены еще одно городище, два селища, гавань и два могильника. Судя по большому количеству привозных и связанных с торговлей предметов, концентрации ремесел, этнически смешанному составу населения, Даугмале вместе с прилегающими памятниками можно считать образующимся ранним городом. Менее развитым, по сравнению с Даугмале, поселением раннегородского типа в низовье Даугавы в XII в. следует считать Ригу¹⁹ с соседними двумя селищами, городищем и могильником. Археологический материал здесь также свидетельствует о концентрации ремесел, торговли и о смешанном составе населения (ливы, курши, земгалы, венды). После вторжения немецких крестоносцев Рига в XIII–XIV вв. становится средневековым городом с развитой транзитной торговлей, а Даугмале приходит в полное запустение. На некоторых ливских поселениях возводятся каменные замки (Икшкиле, Мартыньсала), но на большинстве сельских поселений в XIII–XIV вв. по-прежнему проживают ливы, хотя в это время уже фиксируется приток балтоязычного населения (Рауши, Мартыньсала и др.).

На территории, заселенной в X–XIV вв. даугавскими ливами, можно выделить могильники X–XIII вв., в которых умерших хоронили по ливским традициям, и христианские кладбища, заложенные в XIII в. на новых местах (рис.3). Могильники находились вблизи поселений, главным образом на правом берегу Даугавы. Всего известно 22 могильника, в которых более 1400 погребений. Площади могильников различны – 0,5–8 га. Наиболее известным в литературе является могильник у Айзкраукле.²⁰ Широко изучались также могильники Лаукской (609 погребений), Вампениеш I и II (соответственно 198 и 115) и Рауши (169). В могильниках, находящихся в пограничной зоне, обнаружены также этнически смешанные погребения. Выделяются грунтовые и курганные могильники. Первые являются хронологически более ранними. Здесь встречаются как трупоположения, так и трупосожжения, а также некоторые символические погребения. Трупосожжения относятся главным образом к концу X и XI вв., они составляют одну треть из общего числа погребений. Кремация проводилась вне территории могильника, кальцинированные кости зарывались в могильные ямы глубиной до

60 см, ориентированные также, как и погребения с трупоположениями (в основном с СЗ на ЮВ); погребальный инвентарь также как и в курских погребениях, иногда преднамеренно поврежден. Трупоположения зарыты на глубину до 140 см, ориентированы головой на СЗ, а в XII-XIII вв. – также на С. Рядом с погребениями часто встречаются гончарная посуда (рис.4), нередко немного обгорелых костей, кажется животных, иногда скелеты собак, а также яйца. Дно могилы иногда посыпали белым песком. В заполнении могильных ям много углей из ритуальных кострищ, найденных вблизи погребений. В некоторых могильниках у погребений найдены отдельные камни. Плотные, даже в несколько слоев, каменные покрытия поверх погребений встречаются в Айзкраукле, Румули, Лаукскола и других могильниках. Можно предположить, что они отражают стариные погребальные традиции финских (каменные кладки) или балтских (каменные кольца) племен. Иногда погребения располагаются по 2-3, возможно – это были члены одной семьи. В могильниках Вампениеш I и Липши можно выделить особые участки с детскими погребениями. В некоторых грунтовых могильниках (Лаукскоал, Вейстуры, Липши, Лиелварде) в погребениях конца XI-XII в. найдены остатки костров диаметром 5-8 м, расположенные вокруг погребений. По всей вероятности над этими погребениями были курганы. Умерших хоронили в праздничном наряде с украшениями, оружием и некоторыми орудиями труда. В женский комплект украшений, кроме шейных гривн, браслетов и перстней, входило и характерное для ливских женщин нагрудное украшение из цепочек с булавками и черепаховидными фибулами, а также ожерелье из стеклянных бус и различных подвесок. Черепаховидные фибулы, входящие в состав женского украшения, на раннем этапе (X-XI вв.) имели скандинавское происхождение, но позже такие застежки изготавливались на месте. Количество и богатство украшений – различны, что зависело от социального положения погребенного; наблюдаются и хронологические изменения. Наиболее богатые украшения встречаются в погребениях второй половины XI в., в XII в. количество их уменьшается. В мужских погребениях встречаются: 1-2 копья, топор, у пояса нож в кожаных ножнах, мешочек с огнем, кремнем и др. В погребениях мужчин, относящихся к социальной верхушке, иногда встречены мечи – в X-XI вв. короткие, однолезвийные (рис.4), позже – двулезвийные, рога для питья, также принадлежности купца и др. Подобные погребения в Лаукскола составляют около 10% общего числа исследованных комплексов. Курганные могильники более характерны для гауйских ливов, но все же и у даугавских ливов известны четыре курганных могильника XI-XIII вв. Наиболее широко ис-

следованы могильники Вампениеши II и Рауши. Насыпи курганов не сохранились. В могильнике Лиелпечи насчитываются 15-25 курганов, высотой они до 120 см, диаметром 6-10 м, размещены плотно один к другому. В могильнике ХII-XIII вв. Кабелес из примерно ста наличных курганов некоторые достигают высоты 150 см. Умершие в курганах похоронены не сожженными, прямо на поверхности грунта или в неглубоких ямах. Обычай погребения и инвентарь – такие же как и гауйских ливов.

В XIII в. в большинстве могильников даугавских ливов погребений больше не совершали, но в некоторых они еще производились; при этом наблюдаются изменения в погребальном инвентаре. В женских погребениях реже встречаются браслеты и перстни, исчезают шейные гривны и характерные нагрудные украшения из цепочек. Ритуальную функцию этого украшения заменяют распространенные на территории даугавских ливов в XIII-XIV вв. связки цепочек с подвесками – амулетами, нанизанные на иглу фибулы (рис.5). В мужских погребениях только в редких случаях встречается оружие.

Первые христианские кладбища у церквей были устроены именно на территории даугавских ливов – в Мартиньсала (1197 г.), в Икшиле (1184 г.).²¹ Наиболее полно исследованы кладбища в Мартиньсала (1803 погребений), Икшиле (800 погребений) и некоторые другие. Они использовались в XIII-XVII веках. Небольшая территория их была ограждена, умершие захоронены рядами, плотно, даже в несколько слоев, большинство без инвентаря. Тот факт, что в XIII-XV вв. еще наблюдаются старые ливские погребальные традиции, показывает, что переход к христианским обычаям происходил постепенно. После XV в. старые ливские погребальные традиции изживаются, а в XVI-XVII вв. и вовсе исчезают.

Третьим важным районом была земля по р.Гауе (рис.3). Основные центры ливов сконцентрировались здесь на относительно узкой территории около современных Сигулды, Турайды и Кримулды. В хронике Генриха земля по р.Гауе называлась Торейда (*Thoreida, Thoreyda*).²² Четвертая, самая обширная по площади земля ливов, охватывала северную часть их территории. По плотности населения она уступила землям по Даугаве и Гауе. Ее название в хронике (*Metsepole, Metsepole*)²³ указывает на обилие лесов (*Metsepole* – можно перевести как лесная сторона). На территории бывшей Метсеполе ливский язык местами сохранился до XX века.

Пятое, особое, место среди ливских земель занимала упомянутая в хронике Генриха Идумеа (*Ydumea*),²⁴ охватывавшая небольшую территорию в бассейне реки Брасла, правого притока Гауи. Возможно жи-

тели этой земли отличались от других ливов не только в культурном, но и в этническом отношении. Кроме того, по сведениям хроники, в Идумее проживало и латгальское население.

Основным изученным до сих пор видом памятников являются курганные могильники, значительная часть которых была раскопана еще в XIX в. Некоторые могильники полностью уничтожены и об их существовании имеются лишь архивные данные или упоминания в литературе. В сохранившихся могильниках центральная часть большинства курганов имеет следы бывших раскопок. Нельзя не отметить концентрацию курганных могильников на относительно узкой территории вокруг основных центров гауяских ливов около Кримулды, Турайды, Сигулды. Имеются данные по крайней мере о шести-семи могильниках. Могильники этой зоны отличаются большим количеством курганов. Небольшое число курганов (270) зарегистрировано в могильнике Приедес в Кримулде. Около 100 насыпей было в могильниках Саксукальс в Сигулде и Путели в Турайде. Некоторые курганные группы расположены и вне пределов центральной части гауяской территории. Это могильники Сакнитес и Капурга в Аллажи, могильники Чиекури и Стендери в Бирини и предполагаемый могильник в Ледурге. Отдельные курганные могильники известны и на территории Метсеполе и Идумеи.

Кроме курганных могильников, имеются сведения о некоторых грунтовых могильниках как на территории гауяских ливов, так и в Метсеполе и Идумее. Правда, они остались до сих пор малоисследованными.

Курганы отличаются, в общем, полусферической формой, диаметром основания от 5-6 до 10-12 м, высотой от 0,5 до 1,5 м, в отдельных случаях до 2 м. Характерным признаком могильников является то, что курганы расположены скученно, нередко примыкая друг к другу. В пределах могильников прослеживаются локальные группы. Иногда у основания насыпей наблюдаются разнообразные углубления, которые образовались в результате выемки песка. В каждом кургане имеется, как правило, одно погребение; встречаются парные, в отдельных случаях и тройные погребения. Доминируют трупоположения. Курганы с трупосожжениями составляют около 20% исследованных насыпей. Погребение находится, как правило, под центральной частью кургана на уровне древней почвы, или же в могильной яме четырехугольной формы глубиной 0,1 - 0,2 м, в некоторых случаях до 0,4 м. Нередко над погребенным и вокруг него наблюдаются камни.

Под курганными насыпями иногда сохранились слои погребенной почвы в виде серого подзолистого песка с включениями угля. Ориента-

ции умерших, как правило, головой на север (иногда с некоторыми отклонениями). Многие погребения отличаются богатством погребального инвентаря, в том числе оружием и украшениями. Наконечники копий расположены, как правило, попарно в изголовии умершего. Нередкими находками является меч, реже встречается отпор. Как в женских, так и в мужских погребениях часто находится глиняный сосуд, расположенный почти всегда в изголовии. Вместе с человеком, часто погребена и собака. Если в одних могильниках женские и мужские погребения встречаются приблизительно в равной мере (например, могильник Приедес в Кримулде), то в других явно преобладают мужские (Лиепенес в Кримулде, Путели в Турайде). Встречаются также курганы, весьма бедные находками, или совсем безинвентарные.

В вещественном материале курганов гауяских ливов значительную часть составляет оружие. Отметим, по крайней мере, 24 меча (не считая фрагментов клинков), большинство из которых двухлезвийные, 16 наконечников ножен мечей, из которых два удлиненных экземпляра из серебра. Наконечников копий найдено около 120 экземпляров, преобладают втульчатые, частью - украшены серебром. Число найденных топоров около 60, из них два экземпляра отделаны серебром. Найдены и отдельные наконечники стрел и боевые ножи. В ряде курганов обнаружены остатки щита. Вместе с предметами оружия найдено значительное число пряжек и других поясных принадлежностей, мужских подковообразных фибул и другое.

Значительное место в инвентаре женских погребений занимают украшения. Характерными были нагрудные цепи, которые прикреплялись к одежде при помощи черепаховидных фибул. К нагрудным цепям принаследжали цеподержатели и различные подвески, среди которых нередко находились небольшие бытовые предметы, например ключи. Широко были распространены и шейные украшения, в том числе различные стеклянные бусы, подвески и др.: встречаются и шейные гривны. Число найденных браслетов относительно невелико, шире были распространены кольца.

Благодаря значительному числу хорошо датируемых предметов (например, мечи типа "T", "S", "Z" (по Я. Петерсену), наконечники ножен мечей, наконечники копий типов "G" и "M" (также по Я. Петерсену), хронология курганов гауяских ливов устанавливается в пределах приблизительно второй четверти XI - второй половины XII вв. Погребения с наиболее ценным набором оружия характерны, прежде всего, для середины и второй половины XI в. Нельзя не отметить отсутствие в гауяских курганах черепаховидных фибул скандинавских типов, нако-

нечников копий типов "Е", коротких однолезвийных мечей и других более ранних предметов, хорошо известных в могильниках даугавских ливов.

Судя по найденным в погребениях фрагментам одежды, можно установить, что ливы при изготовлении тканей пользовались основными техническими приемами, известными у соседних народов. Некоторые приемы ткачества у ливов встречаются даже раньше, чем у латгалов - сетчатое плетение с узором, ткань на дощечках с бранным узором для поясов и ткань в З ремизки - уже в XI в. Основные части одежды у ливов были одинаковы с одеждой их соседей. Особое своеобразие женское одеяние придавали характерные украшения, общие для гауяских, даугавских и курземских ливов, хотя в некоторых деталях имелись различия. Женщины поверх рубахи носили шерстяную одежду типа сарафана. Способ ношения ее характеризуют находившиеся на плацах скандинавские черепаховидные фибулы (гауяские и даугавские ливы) или балтские булавки (курземские и даугавские ливы, венды), с помощью которых одежда скреплялась (рис.6,2). Подобный способ скрепления одежды в это время существовал и у других племен в западной части Латвии и Литвы, на территории Эстонии.²⁵ Найдены также остатки украшенной глухой верхней одежды из шерстяной ткани туникообразного покрова, длиной немного выше колен (рис.6,4). Украшение (вдоль нижней кромки, рукавов и шейного выреза) характерно для ливов: ряды нанизанных бронзовых колечек и оловянных розеток пришиты к ткани. Такую верхнюю одежду носили также дети и мужчины (рис. 6,1,3). Наплечной накидкой - виллайне, размеры которой 150-170 x 90 см, покрывали умерших, но находки фибул с подвесками в некоторых погребениях свидетельствуют о том, что виллайне скальвали на груди. У некоторых виллайне X-XI вв. вдоль краев имеется украшение из ряда бронзовых колечек по образцу латгальских виллайне УШ-X вв. В XI-XIII вв. у ливов украшение обычно было дополнено оловянным розетками и желтым бисером. В XII в. встречается характерный для финских племен орнамент из мелких спиралек - пронизок. Из головных украшений надо отметить украшенные бронзой тесьмы для волос, а также шерстяные, украшенные по краям головные уборы (рис.6,4). Ноги до колен обматывались шерстяными обмотками, которые нередко украшались бронзовыми спиральками (у даугавских и гауйских ливов), кружками (у курземских и даугавских ливов (рис.6,4) и вендов) или колечками (у даугавских ливов). Найдки подковообразных фибул в мужских погребениях указывают на их использование для скрепления верхней одежды и накидки. Одежда опоясывалась. Наиболее роскошной частью оде-

ды для мужчин являлся окованный кожаный пояс. Концы штанов по колена, очевидно, были обмотаны шерстяными обмотками для ног, обычно неукрашенными, но в могильнике Аейстуры найдены обмотки, украшенные бронзовыми пронизками (рис.6,1). Об обуви наиболее полно можно судить по находкам из раскопок Риги - это поршни, туфли и сапоги.²⁶

Судя по украшению частей одежды, у даугавских ливов в период X-XI вв. наблюдается влияние курземских ливов, а в период XIII в. и у даугавских и у гауйских ливов - влияние финских племен. В XIII-XIV вв., когда исчезают нагрудные украшения из цепочек с двумя фибулами, изменился способ скрепления сарафана - наплечные части у них сшиты, вероятно таким же образом, как это имело место в Эстонии; в некоторых ливских районах такой прием конструирования одежды сохранился вплоть до конца XIX века.

Древние традиции, связанные с убором костюма, дольше сохранились на территории курземских ливов, где виллайне и обмотки для ног, украшенные бронзой, встречаются в женских погребениях XIII-XIV в. Еще и в XIX в. здесь известны некоторые древние элементы украшения одежды.

Ливская культура отличается многими своеобразными чертами, проявлявшимися, в частности, в предметах украшений и одежде. Большой интерес представляет ливская орнаментика, в которой геометрические фигуры сочетаются с мотивами растительного узора (в частности, пальметки). Эти мотивы указывают, прежде всего, на связи с древнерусской орнаментикой. В вещевом материале проявляются контакты с балтскими и финскими соседями, а также со Скандинавией. Среди предметов вооружения встречаются также формы, которые были широко распространены в странах Северной и Восточной Европы. Чувствительность к внешним влияниям является одной из характерных черт ливской культуры. В некоторых типах украшений, в частности, в подвесках, проявляются некоторые общие черты, присущие изделиям эстонцев и других прибалтийско-финских народов. Возможно, в них отражаются и древние этнические традиции.

Основой экономики ливов, как и других народов Прибалтики, были несомненно, земледелие и скотоводство. Подсобное хозяйственное значение, однако, сохранили рыболовство и охота. Широко было развито бортничество, особенно в окрестностях современной Риги. Воск являлся одной из важнейших статей экспорта. Значительное развитие получило ремесло, в частности, кузнечно-ювелирное и оружейное, выполнившее заказы местной имущей знати. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что

нуть и роль торговли. Развитию торговли способствовало уже само местонахождение ливской территории в центре Прибалтики у реки Даугава.

Анализ археологических и письменных источников не оставляет сомнения в том, что руководящую роль у ливов играла местная знать: с ее верхушкой связаны отдельные погребения, отличающиеся особым богатством могильного инвентаря.

Можно предполагать существование семейных связей ливской знати со скандинавскими и древнерусскими княжескими семействами. По данным хроники Генриха, даугавские ливы платили дань Полоцку и находились, вероятно, в некоторой зависимости от него.

Ливы X-XIII вв. являются, очевидно, потомками древнего прибалтийско-финского населения на территории Северной Латвии, археологически прослеживаемого, в частности, по могильникам периода конца бронзы и раннего железа. К этому следует отнести и многочисленные топонимы прибалтийско-финского происхождения. Тем не менее, проблема происхождения даугавских и гауяских ливов с их богатой культурой X-XIII вв., еще окончательно не решена. Дело в том, что в известных на их территории археологических памятниках предшествующего периода мало специфических ливских или прибалтийско-финских черт. Поэтому предполагается, что зарождение в X-XI вв. ливской культуры в бассейнах Даугавы и Гауи сопровождалось и притоком сюда населению из более северных районов Латвии, в том числе из Северной Курземе.

1. ПСРЛ, СПб., 1846. Т. I. С.4.
2. Аристе П.А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С.5 и сл.; Аристе П.А. К вопросу о развитии ливского языка // Труды Института языкоznания АН СССР. М., 1954. Т.ІУ. С.254 и сл.
3. Viitso T.-R. Lääneresoomlased: maahoive ja varaseimad kontaktid // Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Helsinki, 1983. 185 • lk.12.
4. Rudzite M. Latviesu dialektologija. Riga, 1964.
5. Ancitis K., Jansons A. Vidzemes etniskas vestures jautajumi - Archeologija un etnografija. Riga, 1963. V. Lpp.40; Rudzite M. Somugriskie hidronimi Latvijas PSR teritorija // Latviesu lek-sikas attistiba. Riga, 1968. Lpp.194.

6. Марк К. Антропология прибалтийско-финских народов. Таллин, 1975. Проблема происхождения прибалтийских финнов и их взаимных отношений с точки зрения антропологии недавно пересмотрена Р.Денисовой (См.: Денисова Р.Я. О генезисе прибалтийских финнов // Известия АН Латв.ССР. 1982. № 7. С.65-81).
7. Sturms E. Zur Vorgeschichte der Liven // ESA. 1936. S. 25.
8. Moora H. Pirmatneja kopienas iekarta un agra feodala-sabiedri- ba Latvijas PSR teritirija. Riga, 1952.
9. Latvijas PSR archeologija. Riga, 1974.
10. Tönisson E. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11.Jh.- Anfang 13.Jhs.). Ein Beitrag zur ostbaltischen Frühgeschichte. Tallinn, 1974.
11. Mugurevics E. Wechselbeziehungen der livischen und der kuri- schen Kultur im Licht des Siedlungsmaterials Nordkurlands (10- 16 Jh.) // Congressus Quintus Internationalis Feno-Ugristarum. Turku 20-27 VIII 1980. Turku 1981. Pars VIII. S.396.
12. Sturms E. Zur Vorgeschichte ... S.36-39.
13. Snore E. Kursu senlietu atradumi Riga // Senatne un maksla. 1936. 3. 72-75 lpp. Мугуревич Э. Проблема вендов в период раннего феодализма в Латвии // Berichte über den II Internationa- len Kongress für Slawische Archäologie. Berlin, 1970. Bd.II. S.291-299.
14. Мугуревич Э. Некоторые вопросы этнической истории Курземе в X-XIV вв. // Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. Рига, 1970. С.33,34.
15. Latvijas PSR archeologija. 191.-194. Lpp.
16. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии (Введение, перевод и коммен- тарий С.А.Аннинского). М.-Л., 1938. IX, I3; X,6.
17. Mugurevics E. Mittelalterliche Siedlungen und Veränderungen der Siedlungsstruktur am Unterlauf der Daugava im 12. bis 13. Jahr- hundert // Lübeker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschi- chte. Bonn. Bd.7. 1983. S.174.
18. Urtans V. Sena pilseta un ciems Latvijas teritorija agraja feo- dalisma // Zinatniskas askaites sesijas materiali par archeo- logu un etnografu 1972. g.petijumu rezultatiem. Riga, 1973. 63- 66. Lpp.
19. Дауне А.В. Жилища Риги XII-XIV вв. Рига, 1984. С.141.
20. Kruse Fr. Necrolivonica oder Alterthümer Liv-, Esth- und Curlands bis zur Einführung der Christlichen Religion in der Kaiserlich Russischen Ostsee - Gouvernements. Dorpat - Leipzig, 1842.

21. Heinrici Chronicon Livoniae. Editie altera. Recogneverunt L. Arbuzow et A. Bauer. Hannoverae, 1955. (в дальнейшем HCL). II, 18; X: 43.
22. HCL, XI:5, XVI:4, XXII:4 и др.
23. HCL X:14, XI:2,3 и др.
24. HCL XI:2, XVI:7 и др.
25. Moora X.A. Из истории развития эстонской народной одежды // Эстонская народная одежда. Таллин, 1960. С.15.
26. Bebre V. Adas apavi Riga 13.-14.gs.// Arheologija un etnografija XIV. Riga, 1983. 125-141. lpp.
27. Moora X.A. Из истории развития ... Рис.7а.

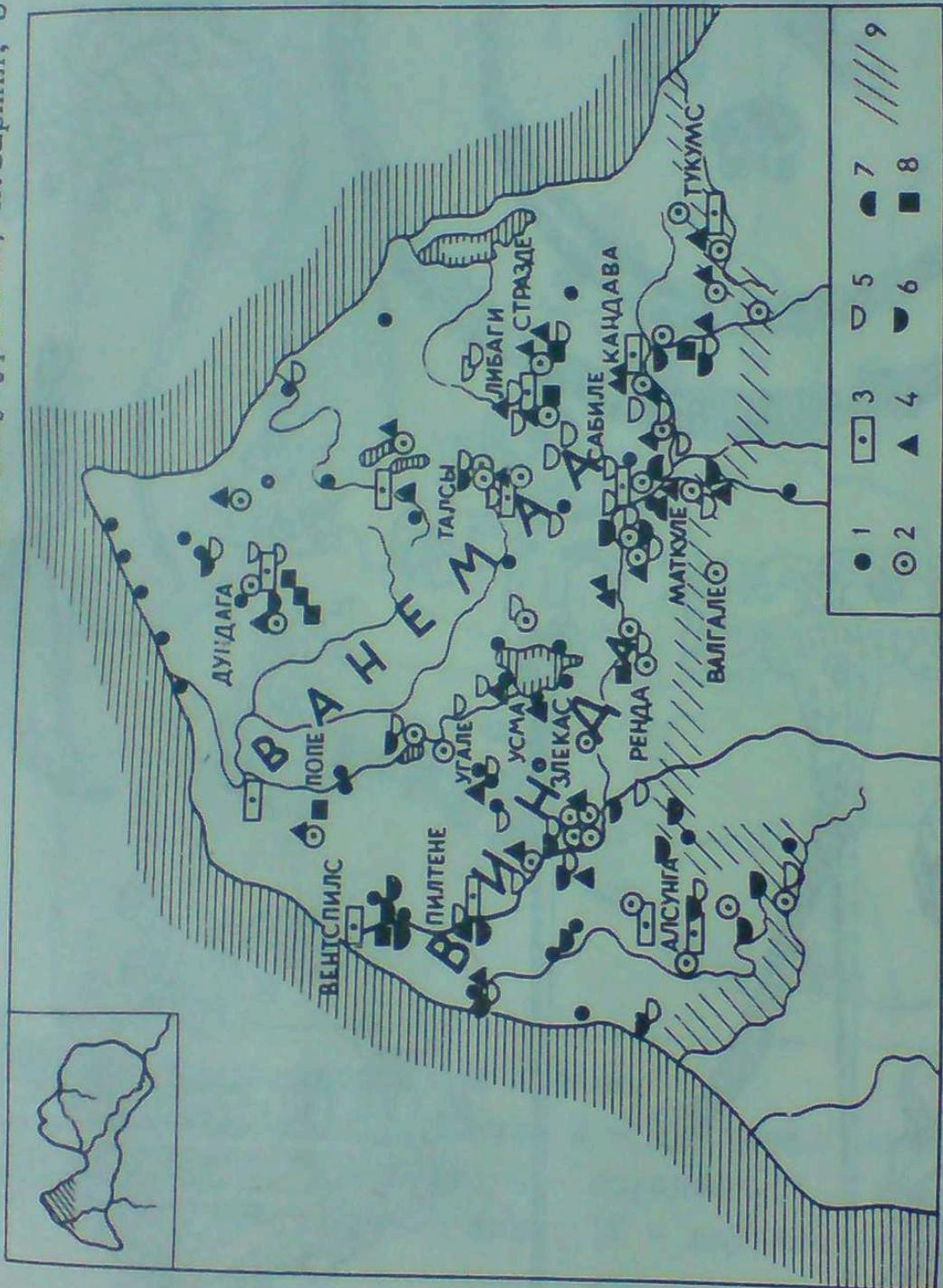

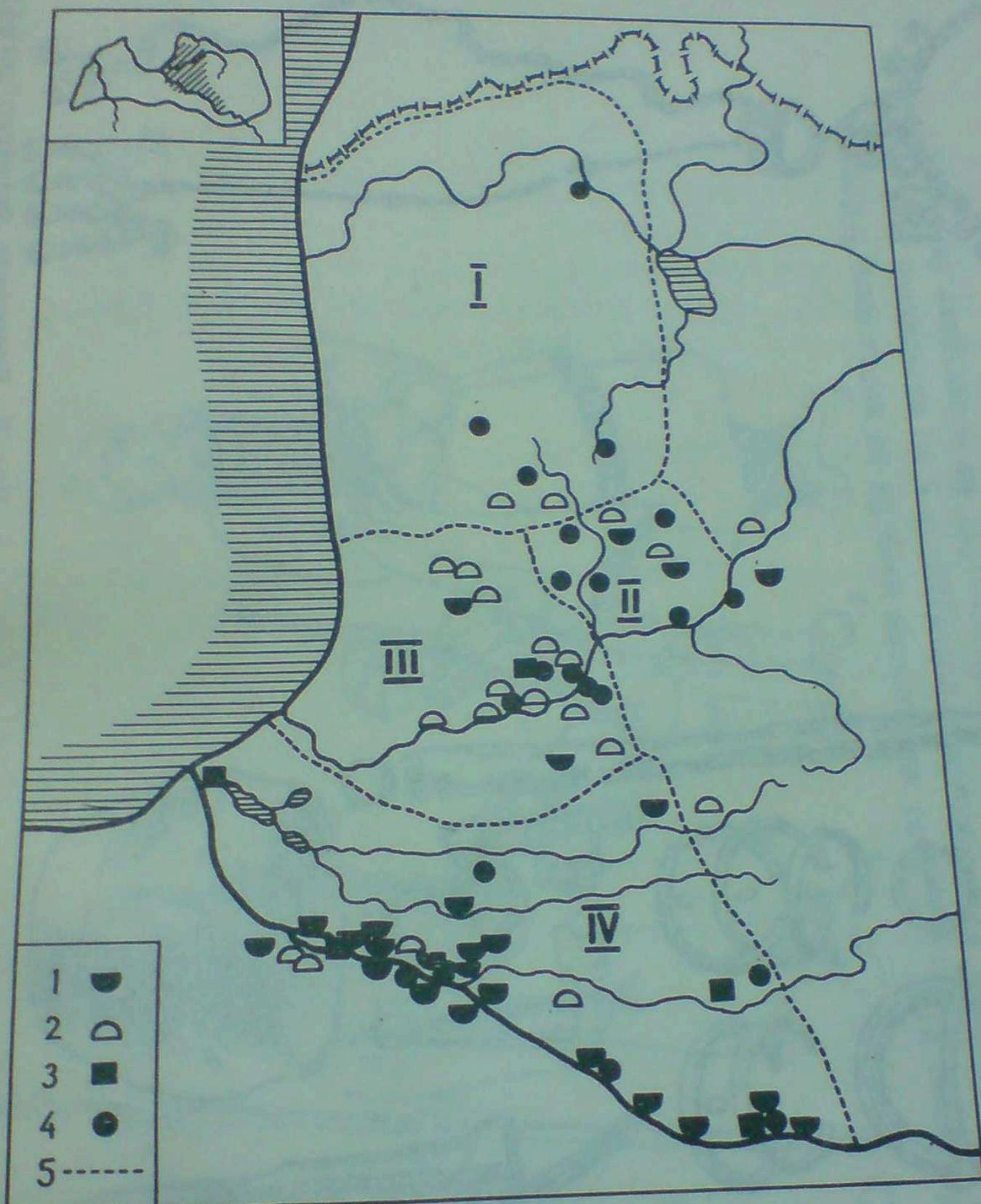
Рис. I. Археологические памятники XI-XII вв. в Северной Курземе.
 1 - поселения; 2 - городища; 3 - Средневековый каменный замок; 4 - культовое место;
 5 - грунтовые могильники с трупоположениями; 6 - грунтовые могильники с трупосожжениями; 7 - песчаные и каменные курганы; 8 - каменные могильники с оградками;
 9 - южная граница тамского диалекта.

К ст. Э.Мугуревича, А.Зариня, Э.Тыниссона "Ливы"

Рис.2. Украшения XI-XIII вв. из Северной Курземе (по Э.Мугуревичу)

К ст. Э.Мугуревича, А.Зариня, Э.Тыниссона "Ливы"

3. Территории, заселенные ливами.

I - грунтовые могильники; 2 - курганные могильники; 3 - христианские кладбища; 4 - городища (I - Метсеполе; II - Идумея; III - гауяские ливы; IV - даугавские ливы).

К сст. Э.Мутуревича, А.Зарина, Э.Тыниссона "Ливы"

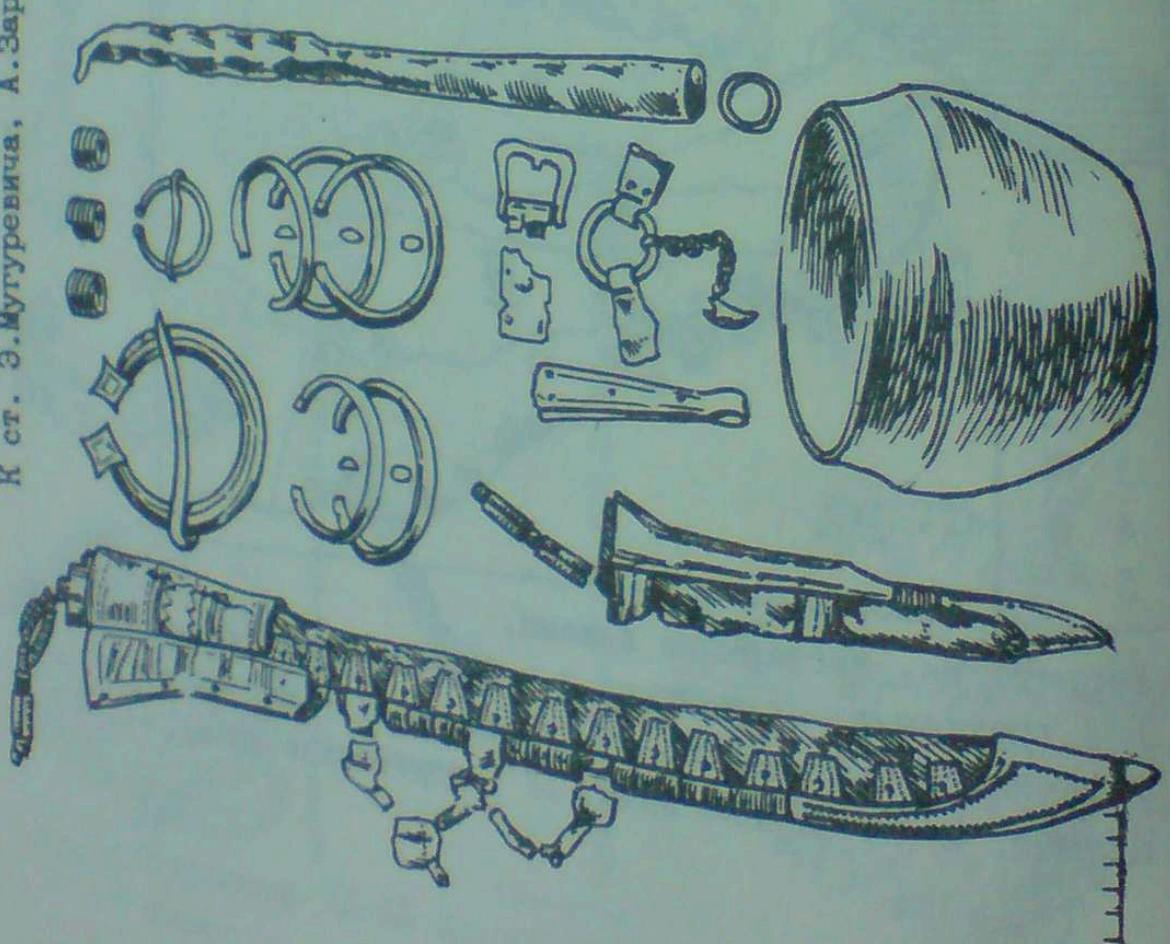

Рис.4. Инвентарь мужского погребения начала XI в. (Лауксала, погр.286)

Рис.5. Инвентарь женского погребения XII в. (Мартынсала, погр.383)

Рис.6. Реконструкция одежды XI в.: 1 - по материалам погр.54 из могильника Вейстуры; 2 - по материалам погр.27 из могильника Вейстуры; 3 - по материалам погр.381 из могильника Лаукского; 4 - по материалам погр.191 из могильника Лаукской школы.